

На правах рукописи

Шхабацева Марина Аскарбиевна

**АДЫГСКИЙ ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР
В ОБРЯДОВОМ, ИГРОВОМ И ЖАНРОВОМ КОНТЕКСТАХ**

Специальность – 10.01.09 – Фольклористика

Автореферат

диссертации на соискание

ученой степени кандидата филологических наук

Майкоп – 2017

Работа выполнена на кафедре истории и культуры адыгов
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Адыгейский государственный университет»

Научный руководитель:

Унарокова Раиса Батмирзовна,
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Басангова Тамара Горяевна,
доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела
фольклористики и джангароведения ФГБУН
«Калмыцкий институт гуманитарных
исследований РАН», эксперт РФФИ
(ОГОН), РНФ, РАН

Бухуров Мухамед Фуадович,
кандидат филологических наук, и.о. зав.
сектором адыгского фольклора, старший
научный сотрудник Института
гуманитарных исследований – филиала
Федерального государственного бюджетного
научного учреждения «Федеральный
научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
(ИГИ КБНЦ РАН)

Ведущая организация:

Государственное бюджетное учреждение
Республики Адыгея «Адыгейский
республиканский институт гуманитарных
исследований им. Т.М. Керашева»

Защита состоится 4 октября 2017 года в 10.00 на заседании диссертационного совета Д 212.001.10 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, с диссертацией и авторефератом – на официальном сайте университета: <http://www.adynet.ru> и на сайте ВАК: <http://vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2017 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Г. В. Соколова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Детский фольклор – особая область традиционной культуры, в которой актуализировано понимание природы и человеческих отношений на ранних этапах становления личности. «Детский фольклор – это тот универсальный язык, на котором происходит диалог разных поколений и людей разного возраста» [Райкова 2011: 50]. Во всех национальных традициях детский фольклор представлен двумя жанровыми группами: материнским (или *поэзией пестования*) и собственно детским фольклором. Материнский фольклор приурочен к обрядам и ритуалам, связанным с рождением и первым годом жизни ребенка. Собственно детский фольклор в основном функционирует в самой детской среде. Границы между этими группами достаточно условны и определяются преимущественно отношениями субъекта и реципиента текста.

В адыговедении относительно широко изучена этнография детства, в то время как вербальные формы детского фольклора все еще остаются малоисследованными. Имеющиеся отдельные работы касаются предметных границ детского фольклора. В жанровых классификациях, разработанных З.М. Налоевым, Ш.Х. Хутом, А.Н. Соколовой, отдельными категориями выделены детские песни и потешки. Также издано достаточно большое количество адаптированных текстов адыгского детского фольклора.

Актуальность темы диссертации определяется необходимостью комплексного исследования адыгского детского фольклора во взаимосвязи с обрядовым (историко-культурным), ситуативным (игровым), жанровым уровнями контекста. Выбор темы связан с решением актуальных задач современной фольклористики – малоизученностью явлений адыгской устной традиции в синкретической связи с контекстом бытования. Отсутствие научных исследований, которые легли бы в основу практических разработок функционирования адыгского детского фольклора, также отвечает актуальности избранной темы.

Степень изученности темы. В отечественной фольклористике изучение детского фольклора как самостоятельного явления устной традиции имеет давнюю историю. Она связана с именами известных представителей старшего и молодого поколения ученых, которые со 2-й половины XIX века и по настоящее время комплексно исследуют русский / славянский детский фольклор. Первые публикации текстов детского фольклора осуществлены В.И. Далем (1861, 1869), П.А. Бессоновым (1868). Первые научные классификации жанров сделаны в трудах А.В. Ветухова (1892), Г.С. Виноградова (1926) и О.И. Капицы (1928). На их основе современные фольклористы предложили ряд классификационных схем. Так, группа А.Ф. Белоусова и В.В. Головина, несколько модифицируя классификацию Г.С. Виноградова, выделяет следующие области детского фольклора:

- детский календарный фольклор (по мнению исследователей, этот раздел по сей день остается малоизученным. Данная проблема рассматривается лишь в работах Г.С. Виноградова и О.И. Капицы);
- детский магический фольклор: заклички, приговорки, загадывания;
- детский игровой фольклор:
 - а) фольклор игры: считалка, ролевые тексты (всех играющих, группы или водящего, диалоги), тексты игрового права, игровой магии и наказаний;
 - б) фольклор словесных игр: словесные игры (сечки, молчанки и пр.); «игры ума», речи (небылицы-перевертыши, шуточные приговоры, дразнилки, заманки, поддевки и пр.);
- детский бытовой фольклор (этикетный фольклор, фольклор детского права: мирилки, формулы фиксации собственности) [Белоусов, Головин 2005: 224-225].

В игровом фольклоре вышеназванные исследователи выделяют три малоизученных жанра: *тексты игрового права, игровой магии и игровых наказаний*. Также в данную область они включают единичные варианты текстов *игрового этикета и игровых «сочинений»*.

Согласно алгоритму исследования, принятому в настоящей диссертации, основополагающим является принцип рассмотрения детского фольклора во взаимосвязи с контекстом. Теоретическим основанием для понимания контекста является его определение, сформулированное Б.Н. Путиловым применительно к фольклору: «Контекст – это одновременно категория коммуникативная, сигнификативная и генеративная, поскольку с контекстом связаны акт исполнения, глубинные значения текста и его происхождение» [Путилов 1994: 117].

Выводы Т.Б. Диановой относительно «моноконтекстности» обрядовых песен и «поликонтекстности» внеобрядовых в основном подтверждаются и нашими наблюдениями. «Тексты детского материнского фольклора могут быть интерпретированы в нескольких контекстах, наряду с бытованием в обряде они могут полноценно функционировать и вне его» [Дианова 2010: 51]. Предложенные Т.Б. Диановой для народной лирики уровни контекстных связей вполне соотносимы с нашей работой: *контекст ситуации исполнения, фольклорно-текстовый континуум*, в который исследуемый текст включен, и *культурно-этнографический фон*, на котором бытует текст. Исполнительский контекст может зависеть еще от ряда факторов: быта и обряда, времени и места исполнения, связи содержания текста с исполнителем и др. [Дианова 2010: 50-66].

Первый уровень контекста (контекст ситуации исполнения) сам по себе интересен, но он нами широко не рассматривается. Лишь в связи с некоторыми текстами мы констатируем наличие исполнительского контекста. Интерес для нас представляют два других уровня: культурно-этнографический, в том числе мифоритуальная, обрядовая приуроченность текстов детского фольклора и фольклорно-текстовый континуум.

О.Ю. Брицына также предлагает рассматривать другие уровни контекста: *культурный, социальный, вербальный, ситуативный, коммуникативный*. Для обозначения качественных характеристик контекста предлагаются такие термины, как *натуральный, искусственный, индуцированный*. *Контекст исполнения*

определяется исследователем как *контекст ситуации*. О.Ю. Брицына обращает внимание на взаимозависимость контекста и проблемы аутентичности записей [Брицына 2010: 75].

В диссертационной работе особо обращается внимание на игровой контекст детского фольклора в его ситуативном, этнокультурном и вербальном проявлениях.

Следует сказать, что изучение детских жанров велось параллельно с исследованием всего адыгского фольклора. Начало этому процессу положили писатели-просветители XIX века. Так, С. Хан-Гирей выделил колыбельные песни в отдельный жанр, обозначив их народным термином *кушьэкьо орэд* (досл.: 'песня, исполняемая над колыбелью' / колыбельная песня). Он также описал особый статус заказных колыбельных песен: «Воспитатель сына знатного человека поручает певцам сложить песню его воспитаннику, за что делает им подарки. В песнях этого разряда упоминают о знатности и подвигах предков и родственников воспитанника и предрекают будущую его славу...» [Султан Хан-Гирей 2009: 377]. Подразделяя адыгские песни «по месту, где они произносятся, и по поводу, их вызвавшему» А.-Г. Кешев выделяет колыбельные песни в одну группу. Он также отмечает, что песни данного жанра «сочиняются и исполняются преимущественно кормилицами» [Кешев 1987: 234].

Выделенные С. Хан-Гиреем и А.-Г. Кешевым колыбельные составляют особую историческую жанровую разновидность, привязанную к обычаю аталычества и соответствующую элитарной традиции сочинительства.

В трудах современных адыгских исследователей, таких как А.М. Агержанокова, Ф.М. Гучетль, М.А. Джандар, М.А. Меретуков, М.И. Мижаев, З.М. Налоев, М.М. Паштова, Р.Б. Унарокова, Н.М. Чуякова, мы находим примечательные наблюдения относительно содержания, функции некоторых жанров, в особенности колыбельных песен, контекстуальной обусловленности жанров, приуроченных к детским обрядам.

Обрядовый контекст адыгского детского фольклора подробно описан М.А. Меретуковым (1976), С.Х. Мафедзевым (1979), М.А. Джандар (1991), характер приуроченности рассматривается в работах М.И. Мижаева (1973), З.М. Налоева (2009).

В исследованиях М.А. Кумахова и З.Ю. Кумаховой анализируется специфика художественного языка [Кумахов, Кумахова 1985].

Адыгскими фольклористами отмечается гендерная особенность сочинительства и исполнительства приуроченных к детским обрядам песен. Так, если у всех народов основными сочинителями и носителями колыбельных песен являлись женщины, у адыгов они «создавались и исполнялись также и мужчинами-певцами, что было связано с древним обычаем аталычества» [Мижаев 1973: 112]. Воспитатель (*аталыкъ*), как мы уже обозначили выше, заказывал сочинителям (*джэгокло-усаклу*) особую колыбельную песню воспитанника (*нлур кушьэ орэд*).

В разные годы тексты детского фольклора публиковались исследователями в сводных сборниках и отдельными изданиями. Сказки – Т.М. Керашевым (1940, 1946, 1952), М.К. Хуажевым (1963), Ш.Х. Хутом (1987, 1993, 2003); колыбельные песни – З.М. Налоевым (1980); игры, потешки, скороговорки, загадки – Ш.Х. Хутом (1986, 1987), М.И. Мижаевым, Л.А. Бекизовой (1965, 1969), С.М. Мафедзевым (1994), З.М. Налоевым (1960, 1966, 1971), Р.Б. Унароковой (1988, 2007) и др.

Выбор темы, таким образом, определен неполнотой и недостаточностью исследования адыгского детского фольклора в его контекстных связях.

Объект исследования – коллекция адыгского детского фольклора (далее – КАДФ), состоящая из 1001 единицы аутентичных аудио- и рукописных материалов, хранящихся в Центре адыговедения Адыгейского государственного университета, а также материалы, записанные автором в аулах Республики Адыгея.

Предметом исследования являются жанровые, контекстуальные и художественные особенности детских игр, сказок, песен, стихов, благопожеланий, приговоров, составляющих указанную коллекцию.

Цель исследования – анализ специфики и уровней контекстуальной обусловленности, описание жанрово-поэтических признаков и границ адыгской детской поэзии, ее структуры, стадийных и локальных особенностей функционирования.

Реализация данной цели предполагает решение ряда задач:

- систематизировать результаты фольклористических исследований по изучаемому блоку вопросов и проблем;
- определить уровни контекстуальной обусловленности адыгского детского фольклора;
- обозначить жанрово-коммуникативные границы детского фольклора и специфику историко-культурного, ситуативного контекстов изучаемого феномена;
- выявить критерии дифференциации жанров детского фольклора, произвести их иерархическую классификацию;
- определить условия трансформации жанров детского фольклора: случаи «перехода» текста из иной жанровой области или обряда в детское коммуникативное поле;
- обозначить мотивный фонд материнского фольклора;
- исследовать механизмы объективации образа идеального героя в колыбельных песнях;
- проанализировать характерные признаки, особенности стиля жанров игрового и неигрового (не приуроченного к детским обрядам) фольклора.

Методологической и теоретической основой исследования являются принципы и методы, разработанные в трудах отечественных ученых, классиков русской фольклористики и современных исследователей: В.П. Аникина, Г.А. Барташевича, А.Ф. Белоусова, О.В. Бережной, В.А. Василенко,

А.Н. Веселовского, Г.С. Виноградова, Л.С. Выготского, М.В. Гавриловой, В.В. Головина, Н.В. Городнической, В.И. Ереминой, Т.В. Зуевой, О.И. Капицы, Б.П. Кирдана, В.А. Коршункова, Е.В. Кулешова, Л.А. Кучегуры, М.Л. Лурье, А.Н. Мартыновой, М.Н. Мельникова, А.С. Мутиной, М.Ю. Новицкой, С.Л. Новоселовой, М.В. Осориной, Г.С. Петкевича, А.Н. Петуховой, В.Я. Проппа, Б.Н. Путилова, И.Н. Райковой, Е.А. Самоделовой, Ю.М. Соколова, М.П. Чередниковой, В.И. Чичерова, Д.Б. Элькониной, Р.Ф. Ягафарова.

При определении характера контекстуальной обусловленности детского фольклора мы опирались на положения, разработанные Б.Н. Путиловым, Т.Б. Диановой, О.Ю. Брицкиной относительно уровней контекста.

Привлекались также работы кавказских ученых, в том числе адыговедов: Ф.З. Абакаровой, Т.Г. Басанговой (Борджановой), М.А. Джандар, Ф.М. Ибрагимовой, Р.А. Исхаковой-Вамба, М.А. Кумахова, З.Ю. Кумаховой, С.Х. Мафедзева, М.А. Меретукова, М.И. Мижаева, З.М. Налоева, М.М. Паштовой, Р.Б. Унароковой, Р.А. Хашба, Ш.Х. Хута, Л.Х. Цеевой, Н.М. Чуяковой.

Методы исследования. Диссертационная работа строится по принципу комплексного историко-типологического изучения материала. Применены также сравнительный и статистический методы. Особенности функционирования поэтических жанров детского фольклора прослеживаются в сравнении с различными национальными версиями. Уделяется большое внимание текстологическому анализу, на основе которого решается каждая из поставленных задач.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые осуществляется комплексный анализ всех жанровых форм адыгского детского фольклора во взаимосвязи с историко-культурным и ситуативным уровнями контекста. В научный оборот вводятся десятки ранее неопубликованных текстов детского фольклора. В работе также впервые выработаны принципы классификации адыгского детского фольклора и на основе изученного материала составлены классификационные схемы.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Специфика адыгского детского фольклора (жанрово-коммуникативные границы, поэтика, мотивный фонд) обусловлена обрядовым (историко-культурным), ситуативным (игровым) и жанровым контекстами.

2. Материнский фольклор хранит и транслирует общественно значимую этническую информацию, составляет особый мотивный фонд, основным из которого является прогнозирование удачи на всех этапах предстоящей жизни ребенка.

3. Модель будущей жизни ребенка актуализирована на двух уровнях: непосредственно через благопожелания старших, предрекающих счастливую судьбу, и опосредованно – через жизнеописание идеального героя, который предстает в колыбельных песнях как доблестный воин.

4. Функциональность адыгского детского фольклора обусловлена как обрядовым контекстом, так и бытовой прагматикой. Дидактическая функция является общей для всех жанровых образований. Предрекательные, охранительные, благопожелательные, познавательные функции закреплены за определенными текстами в соответствующих контекстах.

5. Мифо-ритуальные тексты (обрядовые, трудовые, лирико-героические и др.) могут терять свое первичное функциональное назначение и в силу определенных характерных свойств (мелодика, ритмика, образная система, герой-адресат) могут выступать в роли колыбельных, имянарекательных песен, пестушек, игровых прелюдий, считалок и др.

Теоретическая значимость работы связана:

- во-первых, с комплексным анализом обрядово-поэтической системы детского фольклора, позволившим выявить внутренние связи и проявления, устойчивые мотивы, оригинальный художественный язык;

- во-вторых, с введением в научный обиход ранее неизвестных фольклорных текстов и этнографических описаний;

- результаты диссертации могут быть использованы в качестве теоретико-методологической основы при изучении адыгской фольклорной культуры.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования определяется возможностью их применения при изучении истории фольклора, разработке учебников и учебных пособий для средней общеобразовательной и высшей школы. Материал, объективированный в работе, может быть также использован в системе дополнительного образования при организации детских студий, массовых действий, направленных на сохранение в коллективном сознании культурно значимых элементов фольклорной традиции.

Апробация работы. Основные положения и научные результаты исследования обсуждались на заседании кафедры истории и культуры адыгов Адыгейского государственного университета, представлялись на региональных, российских и международных научных форумах: Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива – 2013» (Нальчик, 2013), Международная научно-практическая конференция «Адыги: взаимодействие и взаимообусловленность традиционной и профессиональной культуры» (Майкоп, 2014), IX Международная научная конференция «Проблемы общей и региональной ономастики» (Майкоп, 2014), Международная научно-практическая конференция памяти М.И. Мижаева «Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка» (Нижний Архыз, 2014), Республиканская научно-практическая конференция «Адыгейский язык в современном лингвокультурном пространстве: теория и практика изучения» (Майкоп, 2015), Международная научная конференция, посвященная 80-летию со дня рождения доктора филологических наук, академика АМАН Ш.Х. Хута (Майкоп, 2016), Международная научная конференция «Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации – 5» (Майкоп, 2016), II Международная научная конференция памяти М.И. Мижаева «Регионально-локальные традиции и формы идентичности черкесов Кавказа и диаспоры» (Майкоп, 2017).

По теме исследования опубликовано 15 научных работ, в том числе 5 статей в научных журналах и изданиях, включенных в Перечень, рекомендованный ВАК Министерства образования и науки РФ.

Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс факультета адыгейской филологии и культуры АГУ и фольклорного отделения Адыгейской республиканской школы искусств имени К.Х. Тлецерука в качестве материалов дисциплин «Адыгский детский фольклор» и «Адыгская детская устно-речевая традиция».

Структура и объем работы. Диссертационная работа объемом 190 страниц состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 257 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, характеризуется степень ее изученности, определяются объект и предмет исследования, выделяются цели и задачи работы, излагаются методологические основы диссертации, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту, раскрывается научная новизна.

В первой главе **«Актуализация границ детского фольклора и контекстуальная обусловленность приуроченных к обрядам и играм жанров»** рассматриваются история изучения детского фольклора и жанровая классификация адыгского детского фольклора.

Исследование детского фольклора как самостоятельного явления устного творчества началось со второй половины XIX в. и связывается с такими известными именами, как В.И. Даль, П.А. Бессонов, А.В. Ветухов, П.В. Шейн, Г.С. Виноградов, О.И. Капица, В.И. Чичеров, Ю.М. Соколов, В.А. Василенко, М.В. Осорина, И.Н. Райкова, В.П. Аникин, Г.С. Петкевич, М.Н. Мельников, В.В. Головин, А.Ф. Белоусов, Е.А. Самоделова, Е.В. Кулешов и др.

Первые попытки классификации детского фольклора сделаны в конце XIX – начале XX века в трудах А.В. Ветухова, Г.С. Виноградова и О.И. Капицы.

А.В. Ветухов выделил «успокоительную» и «воспитательную» функции колыбельной песни, описал образы героев этого жанра, связал текст и контекст [Ветухов 1892].

О.И. Капица строит классификацию на возрастном принципе и выделяет две группы носителей текстов: взрослых, воспитывающих детей с рождения до 5-6 лет, и вторую составляют дети от 5 до 15 лет, которые являются носителями собственно детского фольклора.

В современной отечественной фольклористике немало внимания уделяется исследованию материнского фольклора, в особенности колыбельных песен. В.В. Головин исследует сюжет, мотивы, функции, персонажи русской колыбельной песни (фольклорной и литературной) [Головин 2000].

На основе теоретико-методологических подходов отечественных ученых к исследованию детского фольклора нами проанализированы работы адыгских фольклористов относительно границ детского фольклора и контекстуальной обусловленности приуроченных жанров.

В трудах писателей-просветителей XIX в. мы находим ряд наблюдений относительно некоторых жанров адыгского детского фольклора. Так, С. Хан-Гирей и А.-Г. Кешев выделили и описали колыбельные песни воспитанника (*nlyp кушьэ орэд*). Как отмечает С. Хан-Гирей, сюжеты заказных колыбельных песен состояли из трех частей: в первой части восхвалялся род, у которого появился младенец; во второй – воспевалась добропорядочность его родителей; последняя часть посвящалась самому ребенку [Хан-Гирей 1974: 122-123].

Основу эмпирического материала, исследуемого в диссертационной работе, составляет коллекция из 1001 единицы текста, сформированная в Центре адыговедения Адыгейского госуниверситета (составитель Р.Б. Унарокова – архив ЦА/АГУ, П. 23. Д. 1 – 904). В коллекцию также включены материалы, собранные нами. Большая часть текстов извлечена из фольклорно-этнографических архивов

АРИГИ, ЦА/АГУ. Тексты КАДФ в основном зафиксированы на территории Республики Адыгея от 169 информантов за период с 60-х гг. XX столетия до 2010 года. Исключение составляют несколько текстов, записанных в 20-30 гг. XX в. Г.М. Концевичем, И. Цеем, Р. Меркицким.

История исследования адыгского детского фольклора сформировалась в конце XX столетия. Особенно широко изучен обрядовый контекст детских приуроченных песен (З.М. Налоев, М.И. Мижаев, М.А. Мафедзев, М.А. Джандар). Также исследованы этнопсихолого-педагогические особенности народных игр адыгов (Цеева 1997: 204-211; Цеева, Симбулетова 2010: 112-118).

Р.Б. Унароковой впервые исследованы такие жанры детского фольклора, как наставления (*ушьый-гъэсэпэтхыдэхэр*) [Унарокова 1994: 434-439], имянарекательные песни (*цIэус оредхэр*) [Унарокова 1998: 130-132]. Некоторые варианты песен-истин (*шьыпкъышь*) рассматриваются исследователем в пространстве детского фольклора [Унарокова 1999]. Одни песни-истины так и называются «Детям, чтоб их язык развязался, исполняемая песня» («*КIэлэцIыкIумэ абзэ къутэным нае къафалорэ оред*»).

На основе КАДФ составлены классификационные схемы по адыгскому детскому фольклору. Основным принципом классификации определен характер контекстуальной приуроченности жанров. В диссертационной работе исследовано 23 жанра адыгского детского фольклора. Они рассмотрены на трех уровнях: по характеру приуроченности к обрядам, по отношению к музыке, по функциональному принципу. Исследование показало, что адыгский детский фольклор – и приуроченный к обрядам детства, и собственно детский – представлен множеством художественно организованных текстов.

Адыгские родильные обряды и обряды первого года жизни ребенка объединяются в одну группу. К ним относятся такие ритуальные действия, как праздник рождения первого ребенка, имянаречение, первое укладывание в колыбель, праздник первого шага. Они сопровождаются специальными мини-

ритуалами, величальными песнями и магическими приговорами, призванными обеспечить ребенку долгую и счастливую жизнь.

Праздники в честь рождения первенца включают ритуальные поздравления, смотрины, пеленание, обряд подвязывания сыра, имянаречение, обряд первого шага ребенка, обряд первой стрижки, первое обрезание ногтей, первое купание, первое одевание. К праздникам приурочены также ритуализованные формы оповещения, вербальные и невербальные.

Как показал обзор литературы по изучаемому блоку вопросов, многие проблемы детского фольклора открыты и достаточно широко изучены современной отечественной фольклористикой: выявлены границы детского фольклора, рассмотрены обрядовый и игровой контексты, определен жанровый состав. Наиболее изученными областями детского фольклора являются материнская поэзия, в особенности колыбельная песня, и игровой фольклор. Мало изучены проблемы определения характера взаимосвязи и взаимообусловленности художественного текста и обрядового контекста, а также жанровая специфика приуроченных фольклорных текстов.

Во второй главе **«Адыгский детский приуроченный (обрядовый) фольклор: система жанров и мотивный фонд»** рассматриваются жанровая специфика материнского (приуроченного) фольклора адыгов и проблемы объективации идеального героя в адыгских колыбельных песнях.

К приуроченному материнскому фольклору нами отнесены четыре группы песен: величальные в честь рождения ребенка (*сабий гъэшЮ орэдхэр*), колыбельные песни (*кушьэ орэдхэр*), имянарекательные песни (*цIэус орэдхэр*), песни первого шага ребенка (*лъэтегъэуцо орэдхэр*).

О рождении ребенка оповещали величальной песней «Колокольчик» («Уэзджэн»). Большинство подобных величальных песен со временем перешли в разряд самостоятельных жанров.

К приуроченному материнскому фольклору также отнесена смеховая песня о подвязанном красном сыре (*къоекIэрышIэ орэд*).

Наибольшее число текстов, представленных в материнском фольклоре адыгов, составляют колыбельные песни. Существует два типа колыбельных песен: импровизированные «песни вполголоса» (*цэнэ орэдхэр*), композиционно открытые, состоящие из одной мелодии или из отдельных, периодически повторяющихся «междометийных и несмыслонесущих выражений» (З.М. Налоев), и собственно колыбельные песни, с более или менее обозначенными границами текста, обилием поэтических мотивов. Колыбельные песни хранят и транслируют общественно значимую этническую информацию.

Как показало исследование, полифункциональность адыгских колыбельных песен, как и всего детского фольклора, обусловлена обрядовой и бытовой прагматикой. Основной является функция социализации, сопутствующими – дидактическая, коммуникативная, когнитивная, развлекательная функции. Отдельные жанры берут на себя дополнительные функции. Так, колыбельные песни выполняют, прежде всего, предрекательную, благопожелательную, охранительную функции. Наиболее очевидным назначением колыбельных песен является эмоциональное умиротворение ребенка.

Одним из основных жанров материнского фольклора является имянарекательная песня (*цIэус орэд*). Она приурочена к обряду имянаречения. Тексты имянарекательных песен можно разделить на несколько групп: собственно имянарекательные, заклинательные и игровые песни. В имянарекательных песнях перечисляются два противоположных типа имен: прославившие себя и свой род подвигами и добрыми делами и унизившие себя, свой род недостойными поступками. Они служат ориентиром в выборе «счастливого» имени для ребенка.

Основная функция песен первого шага (*лъэтегъэуцо орэдхэр*) – научить ребенка ходить, познакомить с окружающим миром и позабавить его. Песни данной группы приурочены к обряду становления на ноги (*лъэтегъэуцу*), который устраивался к празднику первого года ребенка.

Мотив величания будущей жизни ребенка также присутствует и в песнях, и в благопожеланиях, приуроченных к обряду первого шага ребенка. В настоящее время у адыгов обряд первого шага продолжает функционировать. Однако приуроченный к нему фольклор перестал выполнять магическую функцию. Песни первого шага перешли в разряд песен-потешек и исполняют их в повседневной жизни в контексте детских игр.

Благопожелания, заговоры, приговоры являются частью детской фольклорной культуры. Они произносятся в разных ситуациях: при надевании на ребенка первой рубашки, при первом выносе его из дома, при чихании ребенка и т.д.

Во второй главе также акцентируется внимание на исследовании образа идеального героя в колыбельных песнях. Отмечается, что в культуре детства любого народа колыбельные песни занимают центральное место. В песнях данной группы описывается будущая достойная жизнь ребенка через образ идеального героя.

Этнокультурная особенность адыгских колыбельных песен состоит в том, что в подавляющем большинстве исполнителем и сочинителем их является не биологическая мать, а старшая женщина дома – бабушка (*нана*) / кормилица, воспитательница (*дэе нан*), на которую традицией возлагалась социальная роль и ответственность пестовать, лелеять на миру, величать ребенка. Данное обстоятельство проливает свет на отсутствие мотива материнских сетований в адыгских колыбельных, на выраженность мотивов величания ребенка и прогнозирования ему счастливой судьбы.

В адыгских колыбельных песнях, посвященных мальчикам, преобладают мотивы воинской культуры. В них также выделяются следующие поэтические мотивы: благопожелания, адресованные родителям, благопожелания ребенку, прогнозирование достойной будущей жизни. Если предыдущие два мотива являются вспомогательными, то последний мотив – основной и наиболее разработанный.

Идеальный герой в колыбельных песнях представлен отважным, надежным, справедливым предводителем, опорой для семьи, рода, защитником отечества. Вместе с тем он обладает такими высокими нравственными качествами, как щедрость, доброта, внимательность к родным и близким.

В адыгских колыбельных песнях основным средством художественной выразительности является эпитет. В рассмотренных текстах наблюдаются метафорические, сравнительные и гиперболические эпитеты. В зависимости от определяемого предмета выделяются эпитеты, характеризующие внешность героя и его помощника – коня, а также конское снаряжение.

Наиболее продуктивными художественными приемами в адыгских колыбельных песнях являются повторы и параллелизмы. Выделяются такие типы повторов, которые придают пению динамику, обеспечивают ритмичность песни – повторы слов в одном стихе, повторы начальных слов смежных стихов, цепевидные повторения слов смежных стихов, повторения целых стихов.

В третьей главе **«Жанровая структура неприуроченного детского фольклора адыгов»** исследуются функциональная специфика адыгского детского игрового фольклора и своеобразие неигрового детского фольклора адыгов.

Адыгский детский неприуроченный (не связанный с обрядом) фольклор подразделяется на игровой и неигровой. Детский **игровой** фольклор включает в себя две группы: организуемый взрослыми для детей и собственно детский, функционирующий без участия взрослых.

Игровой фольклор классифицируется по следующим принципам: по наличию словесной составляющей (*вербальные и невербальные*), по включенности в игру (*подвижные и малоподвижные, статические*), по структуре игры (*сюжетные и бессюжетные*), по половозрастному признаку, по назначению (*военно-прикладные, спортивные, трудовые, морально-дидактические, когнитивные и др.*), по фабульно-композиционным конструкциям (*игры-забавы, сюжетные (или формальные) игры и игры-импровизации*). По включенности

детей в движение Р.Б. Унарокова и Э.Х. Хакунова подразделяют игровой фольклор на малоподвижные игры-посиделки (*пIэлъэрыс джэзукIэхэр*) и подвижные игры (*псынкIэрыджэзугхэр*) [Унарокова, Хакунова 2016]. Данная классификация адыгского детского игрового фольклора в диссертационной работе принята за основу.

В состав игр-посиделок входят такие словесные игры, как скороговорки (*псынкIэрыIo IурыIунчъэхэр*), загадки (*хырыхыхъэхэр, къоджэхъ-къоджэшххэр*), игры-задачи («Где моя доля?» – «*СиIахъ тэ щыI?*») и стихи-потешки (*кIэлэцIыкIу усэхэр*). К потешкам относятся пальчиковые игры («*Бзыу-бзыу гуаго*», «*Мэлхэр мэхуакIох*») и песни, знакомящие детей с окружающим миром («*ХъакIыб-кIыбыхъу*» – досл.: ‘качаюсь на спине дедушки / бабушки’).

По половозрастному признаку выделяются игры для мальчиков, девочек и общие. Большинство игр для девочек имеют подражательный характер (*ашIэрэпэшIыжь джэзукIэхэр*).

Подвижные игры образуют большую группу адыгского детского фольклора. Они структурируются текстами (вербальная часть), в т.ч. формулами зачина: зазывные тексты (*джэгу зэхащэхэр*), жеребьевки (*пхъэидзэ*), считалки (*лъытакIэхэр*), формулы-концовки, заключающие игру (*джэзукIэр зэрагъэтIыльыжьсэрэр*). Формулы зачина игры могут быть представлены зазывными стихами или прелюдиями. Выбор водящего игры происходит с помощью считалки. Особенностью текстов данного жанра является то, что они зачастую десемантизированы. Основное внимание в считалках уделяется звуковой организации текста. Жеребьевки могут использоваться для разделения на группы, для выбора команды, которая начинает игру, также для определения водящего. В некоторых жеребьевках функционируют предметы. Особо отличается концовка игр, где организуется театрализованное награждение участников.

В исследованной коллекции адыгского детского фольклора тексты игровой магии и игровых наказаний встречаются сравнительно редко.

Вербальная составляющая детских игр содержит множество художественно-образительных средств, наиболее продуктивными из которых считаются ассонанс и аллитерация.

К жанрам неигрового фольклора относятся детские сказки (*кIэлэцIыкIу пшысэхэр*), песни величания ребенка (*сабий гэшIо орэдхэр*), стихи и песни об окружающем мире (о растениях, животных, реках) (*дунаим изытет, кьэкIхэрэм, псэушьхьэхэм, псыхьохэм яхьылIэгъэ усэхэмрэ орэдхэмрэ*), детские перечислительные стихи-потешки (*кIэлэцIыкIу кьепчьэкIхэр*), песни-наставления (*ушьый орэдхэр*), пословицы-наставления (*ушьый гущыIэжьхэр*), притчи-наставления (*ушьый гэсэпэтхьдэхэр*), песни-истины (*шьыпкьишьэхэр*).

По классификации Ш.Х. Хута в адыгском фольклоре выделяются три жанровых разновидности сказок: волшебные, бытовые и сказки о животных. Самыми распространенными из них являются **сказки о животных**, большая часть которых функционирует в детском фольклоре.

Интерес к адыгским сказкам проявляли писатели-просветители XIX века, в том числе К.М. Атажукин, П.И. Тамбиев, С. Хан-Гирей. Сказочный эпос адыгов являлся предметом размышлений таких фольклористов, как А.И. Алиева, М.Ф. Бухуров, Ж.Г. Тхамокова, Ш.Х. Хут, Б.Г. Тлехас. Все они акцентируют внимание на детских сказках о животных.

Соперничество между сильными и слабыми является основным мотивом адыгских сказок о животных. Также выявлены мотивы высмеивания человеческих пороков, взаимопомощи в среде «слабых» персонажей. В сказках осуждаются жадность, зависть, хвастовство, трусость. Хитрость объективируется через образ лисы; сочетание большой физической силы и глупости – через образы медведя, льва, волка. Менее сильными, но умными и сообразительными представлены такие персонажи, как еж, заяц, соловей, сорока. Героями адыгских детских сказок чаще всего являются дикие животные, реже – домашние животные и птицы.

В сюжетосложении сказок о животных основную роль выполняет принцип антитезы: добро противопоставляется злу, лень – трудолюбию, ум – глупости,

хвастовство – скромности, горесть – жизнерадостности, жадность – щедрости. Цепевидное (кумулятивное) построение сюжета чаще всего осуществляется с помощью диалога. Подобные сказки имеют песенно-стихотворную форму повествования.

Особенностью композиционного построения адыгских сказок является многократное повторение одного и того же действия. Повторы выражены специальными словесными формулами.

К детскому неигровому фольклору также относятся стихи и песни, имеющие иносказательную форму повествования, часть аллегорических песен и перечислительные стихи-потешки (*кIэлэцIыкIу къепчъэкIхэр*). В аллегорических песнях через образы животных актуализируются человеческие взаимоотношения, высмеиваются недостойные поступки. Перечислительные стихи-потешки называют характерные зоологические признаки зверей и птиц. В этих текстах часто встречается контаминация разных жанров детского фольклора.

К поучительным жанрам (*гъэсэпэтхыдэхэр*) относятся песни-наставления (*ушьый орэдхэр*), пословицы-наставления (*ушьый гуцыIэжъхэр*), притчи-наставления (*ушьый гъэсэпэтхыдэхэр*). Существуют песни-наставления отдельно для мальчиков и для девочек. Они содержат знания о достойных в представлении адыгов мужских и женских качествах. Пословицы-наставления имеют назидательную форму и прямо обращены к объекту.

Песни, величающие детей (*сабийгъэшио орэдхэр*), делятся на две группы: приуроченные к празднику рождения ребенка и собственно величальные. Песни первой группы «вплетены» в разнообразные праздничные ритуалы, связанные с первыми днями появления ребенка. Некоторые из них исполняются во время одевания младенца в так называемую «*цыгъо джан*» – досл.: ‘мышинная рубашка’. Данный ритуал выполнял оберегающую от сглаза функцию. Собственно величальные песни представляют собой благопожелания, имеющие тирадную форму. Центральный мотив данных песен – прогнозирование достойной будущей

жизни ребенка. Величальные песни могут функционировать как в ритуальных празднествах, так и в повседневной жизни.

К жанровой группе наставлений (*ушьый-гъэсэпэтхыдэхэр*) могут быть отнесены песни-истины (*шьыпкъышь*). В адыговедении М.А. Кумахов, Б.Х. Бгажноков, Р.Б. Унарокова, З.Ж. Кудаева рассматривали вопросы, касающиеся содержания, функций, форм бытования песен-истин.

Песни-истины – жанр паремиологической тирады. В содержании выделяются истины о человеке, о предметах, животных, явлениях природы как важные константы этической картины мира адыгов. В некоторых истинах содержатся представления об идеальном образе жизни, в других осуждаются человеческие пороки. Формообразующим признаком песен-истин является подхватная рифма, выполняющая также мнемоническую функцию. Подавляющая часть фразем, составляющих исследуемый жанр, имеют пословичный характер. Наиболее распространенным художественно-изобразительным приемом песен-истин является сравнение.

Неприуроченный, собственно детский фольклор формирует в мальчиках такие личностные качества, как смелость, храбрость, выносливость, в девочках – скромность, добросердечность, отзывчивость. Пальчиковые игры способствуют развитию у детей мелкой моторики, речи и мышления. Потешки, сопровождающиеся танцевальной мелодией, прививают детям элементарные навыки пения и танца. Свойственные загадке краткость, лаконичность, выразительность изложения развивают у детей сообразительность, наблюдательность. Адыгские сказки оказывают влияние на формирование личности ребенка, развивают фантазию, воображение, творческое мышление детей. Песни-истины, песни-потешки способствуют знакомству детей с предметами и явлениями окружающей действительности, воспитанию в них моральных качеств, развитию речи.

Как показало исследование, в материнском и собственно-детском фольклоре могут происходить межжанровые перемещения, которые

иллюстрируют уникальные механизмы текстопорождения. Так, мифо-ритуальные тексты (календарные, свадебные, врачевальные), трудовые, лирико-героические (величальные, песни-сетования) в силу своих определенных свойств (мелодика, ритмика, образная система, герой-адресат) могут выступать в роли колыбельных, имянарекательных песен, пестушек, игровых прелюдий и считалок. С одной стороны, подобный процесс взаимопроникновения жанров расширяет межвидовые границы, с другой – способствует дальнейшему функционированию фрагментов текста (отдельных устно-речевых оборотов, сюжетов, мотивов, образов и т.д.). При более глубоком рассмотрении процесс диффузии жанров может пролить свет на историю жанровой системы адыгского фольклора в целом. Однако это не входит в задачи нашего диссертационного исследования. Мы можем лишь констатировать, что в результате трансформации жанров значительная часть архаичных текстов сохраняется и бытует в детском фольклоре в виде десемантизированных «слепков», утративших свое прямое (первоначальное) функциональное и семантическое назначение.

В **заключении** представляются основные результаты исследования, сформулированы главные выводы.

Основное содержание диссертации изложено в следующих публикациях:

Статьи, включенные в Перечень научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Унарокова, Р.Б. Объективация идеального героя в колыбельных песнях адыгов / Р.Б. Унарокова, М.А. Шхабацева // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2014. – Вып. 3 (145). – С. 138-143.

2. Шхабацева, М.А. Эпитет в адыгских колыбельных песнях / М.А. Шхабацева // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2016. – Вып. 1 (172). – С. 132-136.

3. Шхабацева, М.А. Адыгский детский игровой фольклор / М.А. Шхабацева // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2016. – Вып. 3 (182). – С. 189-193.

4. Шхабацева, М.А. Адыгские детские величальные песни / М.А. Шхабацева, Э.Х. Хакунова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2016. – Вып. 4 (187). – С. 226-230.

5. Шхабацева, М.А. Адыгский детский фольклор, приуроченный к обряду первого шага ребенка // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов н/Д: Южный федеральный ун-т, 2017. – № 2. – С. 42-48.

Статьи, опубликованные в других научных журналах и сборниках:

6. Шхабацева, М.А. Жанровая специфика адыгских колыбельных песен / М.А. Шхабацева // Перспектива – 2013: материалы междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – Нальчик: Изд-во Кабардино-Балкар. ун-та, 2013. – Т. 1. – С. 304-307.

7. Шхабацева, М.А. Колыбельные песни в контексте детского фольклора адыгов [Электронный ресурс] / М.А. Шхабацева // Наука: комплексные проблемы. – Майкоп, 2016. – № 1(7). – С. 35-46. – Режим доступа: <http://www.nigniikp.adygnet.ru/index.php/vypuski-2016/vypusk-1-7-2016/27-stati-k-7-vypusku/88-shkhabatseva-m-a-kolybelnye-pesni-v-kontekste-detskogo-folklora-adygov>

8. Шхабацева, М.А. Адыгский неигровой фольклор: детские сказки о животных / М.А. Шхабацева // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации – 5: материалы Междунар. науч. конф., г. Майкоп, 21-22 октября 2016 г. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2016. – С. 188-192.

9. Шхабацева, М.А. Песни-наставления в фольклорной традиции западных (кIахэ) адыгов (черкесов) // Регионально-локальные традиции и формы

идентичности черкесов Кавказа и диаспоры: тез. докл. Второй Междунар. науч. конф. памяти М.И. Мижаева / сост. М.Н. Губжоков, М.М. Паштова. – Майкоп: Паштов З.В., 2017. – 96 с.

10. Шъхьэбэцэ, М. «ХьакIыба-кIыбыхьуа»: кIэлэцIыкIу джэгукIэхэм яжанрэ гьэпсыкI / М. Шъхьэбэцэ // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: материалы VIII междунар. науч. конф. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2013. – С. 406-409.

11. Унэрэкьо, Р. Адыгэ IорыIуатэм хэт цIэус / Р. Унэрэкьо, М. Шъхьэбэцэ // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы IX Междунар. науч. конф. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2014. – С. 294-298.

12. Шъхьэбэцэ, М. Адыгэ IорыIуатэр искусствэхэмкIэ кIэлэцIыкIу еджапIэм зэрэщызэрагъашIэрэр / М. Шъхьэбэцэ // Псалъ. – Мыекьуапэ: Адыгэ къэралыгьо ун-т, 2015. – № 11 (14)-12(15). – С. 179-182.

13. Шъхьэбэцэ, М. Псэушъхьэмэ яхьылIэгъэ IорыIуатэр / М. Шъхьэбэцэ // Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка: материалы Междунар. науч.-практ. конф. памяти М.И. Мижаева, 26-28 ноября, 2014 г. – Нижний Архыз: Паштов З.В., 2015. – С. 335-340.

14. Шъхьэбэцэ, М. Адыгэ кIэлэцIыкIу джэгукIэхэм ягьэпсыкI [Электронный ресурс] / М. Шъхьэбэцэ // Международная научная конференция, посвященная 80-летию со дня рождения доктора филологических наук, академика АМАН Ш.Х. Хута, Майкоп, 22 сентября 2016 г. / АРИГИ. – Режим доступа: <http://www.arigi.adygnet.ru/folklor/work.htm>

15. Шъхьэбэцэ, М. Псэушъхьэхэм яхьылIэгъэ кIэлэцIыкIу IорыIуатэр / М. Шъхьэбэцэ // Псалъ. – Мыекьуапэ: Адыгэ къэралыгьо ун-т, 2016. – № 13 (16). – С. 140-146.